

18+

ЛЮСИ.

Ее дневник

Дарина Долен

Дарина Долен
Люси. Ее дневник

«Издательские решения»

Долен Д.

Люси. Ее дневник / Д. Долен — «Издательские решения»,

Новый Петербург, 2050 год. За ослепительными голограммами и неоновыми фасадами элитных кварталов скрывается жестокая реальность. Люси — идеальная фарфоровая кукла, топ-модель дома моды Эмпирей. Но под ее безупречной цифровой проекцией прячется изуродованное болезнью лицо и сломанная воля. Она принадлежит Глебу Зарецкому, безжалостному криминальному авторитету, который использует девушку как красивую наживку в своих кровавых политических играх.

Содержание

Люси. Ее дневник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Люси. Ее дневник

Дарина Долен

© Дарина Долен, 2026

ISBN 978-5-0069-8775-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Люси. Ее дневник

Запись 01. 06:12 утра.

Вода все еще стекает по мокрым волосам, тяжелыми каплями медленно сползая на ключицы. Сегодня еще не чувствуется привычного озноба, я сижу перед зеркалом в своей спальне, на самой вершине Нового Петербурга в апартаментах, которые милостиво снимает для меня Глеб Зарецкий.

Воздух здесь отфильтрован до неестественной чистоты — ни единого намека на тот сизый, ядовитый смог, которым прямо сейчас давится Нижний город. Нано-шторы бесшумно транслируют рассвет: лазурные волны лениво накатывают на белый песок, солнце красит облака в персиковый цвет, словно в раю. Позади меня мерцает перламутром массивное резное изголовье кровати из белого дерева — старомодная, тяжеловесная роскошь, которую я успела выхватить на торгах. На широком белом подоконнике раскинулось настоящее, живое дерево, в новейшем кашпо с авто поливом и климат контролем.

Но оно мне не принадлежит... как и любая безделушка в этой комнате. Включая меня.

«Без меня ты, барахталась бы в грязи, как и все остальные! Ну, разве я не хороша?!» — его самодовольный, голос эхом бьется в моей голове, каждое утро, стоит только открыть глаза.

Я поднимаю взгляд. Из гладкой поверхности зеркала на меня смотрит чужая, сломанная вещь. Левая половина лица покрыта розовой, истонченной болезнью кожей, уродливые шрамы стягивают щеку, переплетаясь в жуткую паутину. Когда же я стала такой? Жива ли я еще? Я заглядываю в собственные голубые глаза и оттягиваю кожу на щеках...

Это лицо... Боже, как же оно уродливо. Я такая слабая. Кажется, если я сделаю еще один вдох, то вот-вот распадусь на атомы прямо здесь, перед этим проклятым зеркалом, исчезну, не оставив после себя даже цифрового следа. Я ненавижу себя. Ненавижу свой страх и свою покорность.

Я смотрю на каплю воды, скользящую по шраму на подбородке. Пальцы привычно ложатся на шею, нащупывая крошечный уплотненный узел под кожей, одно нажатие, тихий статический щелчок на границе слуха. Мерзкая розовая плоть мгновенно скрывается под идеальным, бархатистым слоем проекции. Линии скул заостряются, приобретая аристократическую утонченность, небесно-голубая радужка заливается глубоким, фирменным изумрудом, губы сами собой складываются в безупречную, холодную полуулыбку.

— Сегодня ты отыграешь еще один день.

К девяти, у входа в башню меня уже ждет транспорт, но я специально опаздываю, что бы их побесить. Новейшая черная машина, угловатая и хищная, поглощающая свет своими матовыми бронированными боками. И, конечно же, моя бессменная свита — два амбала из личной гвардии Зарецкого. На их лицах светятся маски скалящихся шутов, при каждом их движении виртуальные колокольчики на дурацких колпаках издают тихий, леденящий душу звон, я молча скользнула на заднее сиденье, даже не удостоив их взглядом.

Мы плавно вырулили на эстакаду, за тонированным стеклом пейзаж начал меняться, золотые голограммы куполов Русского квартала остались позади, уступая место Французской земле.

Французский сектор — это концентрат синтетической романтики, стерильный парк развлечений для элиты. Здесь на искусственно состаренные мощеные улочки завезенные контрабандой каштаны лениво сбрасывают настоящие и пиксельные листья. Воздух пропитан приторным ароматом свежей выпечки и лаванды, который беспрерывно распыляют скрытые в стенах дроны-озонаторы.

Фальшивый Париж был и остается главной культурной артерией, магнитом для всех уцелевших модников Нового Петербурга. Деньги и люди стекаются сюда непрерывным потоком, так что отбоя от посетителей в секторе не бывает никогда. К 2050 году модные показы перестали быть просто демонстрацией одежды — это роскошные, агрессивные шоу. Те немногие бренды, что выжили в индустрии после всех кризисов, теперь бросают на подиум всю вычислительную мощь ИИ-технологий, устраивая поистине невероятные зрелища. Сегодня гравитация, свет и даже законы физики подчиняются алгоритмам нашего обезумевшего кутюрье.

За тонированными стеклами бутиков кипит своя жизнь. В местных ресторанах элита лениво ковыряет гигантские, выращенные на глубоководных плантациях устрицы размером с мужскую ладонь, и дегустирует немыслимые гибриды цитрусовых. Но главная гордость сектора, его гастрономическая визитная карточка — это, конечно, круассаны, их подают покрытыми сусальным золотом, съедобными голографическими блестками и нано-печатью с портретами кумиров. Наверняка прямо сейчас в кафе напротив кто-то откусывает слоеное тесто с моим идеальным лицом. От этой мысли почему-то сводит скулы.

И все же... я люблю бывать здесь, на Французской земле куда приятнее тратить безлимитные деньги Зарецкого. Здесь, в мягких креслах VIP-лож, под звон бокалов с охлажденным шампанским, можно собрать самые свежие и грязные сплетни Верхнего города, а информация сейчас стоит дороже всех золотых круассанов.

К тому же, именно здесь продается лучшая во всем Новом Петербурге уходовая косметика. Густые, пахнущие лавандой эмульсии — единственное, что способно хоть ненадолго унять стягивающее жжение в моих шрамах под проекцией.

Хотя...

Ходят слухи, что в нашем Русском квартале нашелся какой-то кудесник. Не корпоративный врач, не продажный пластический хирург мафии, а кто-то независимый и самое интересное — судачат, что его формулы не просто маскируют болезнь, как моя премиальная маска или эти французские мази.

Говорят, он лечит.

Но... Все это глупости. Городские легенды для отчаявшихся. Очередная сказка, чтобы вытянуть из больных последние деньги. В этом городе не бывает чудес.

Пока я разглядывала улочки, машина остановилась, я с удовольствием покинула бронированный танк. Передо мной возвышался Эмпирей — в античной философии это самая верхняя часть неба, обитель богов, сотканная из чистого света и огня. Чтобы создать свой храм моды, кутюрье выкупил не просто землю, он выкупил целиком настоящий доходный дом старого, докризисного Петербурга, чудом уцелевший в войнах и катаклизмах. Он потратил, должно быть, годовой бюджет небольшого сектора на реставрацию, каждая деталь лепнины — пухлые ангелы, строгие атланты, сложные цветочные орнаменты над окнами — была восстановлена с маниакальной точностью. Но главным сокровищем фасада остались, старинные фрески в нишах между этажами, сохранившие бледные, но живые пастельные тона ушедшей эпохи. Чтобы защитить эту хрупкую историческую плоть от кислотных дождей и ядовитого смога, все здание было бережно укрыто невидимым антивандальным силовым полем. Оно выдавало себя лишь легким электромагнитным мерцанием, когда на него падал свет неоновых вывесок соседних бутиков.

Модный дом встретил меня привычной суетой. Внутри — ослепительно-белое пространство, геометрия которого ломалась вспышками неоновых проекций новой коллекции. Персонал здесь напоминает стайку одинаковых механических птиц: все в строгих асимметричных костюмах, с одинаковыми серебряными визорами вместо глаз, скрывающими любую индивидуальность, никаких эмоций, только чистая функция обслуживания. И посреди этого выбеленного хаоса порхал он. Главный кутюрье, Эмильен Руж — существо неопределенного возраста

и, кажется, уже давно потерявшее гендерную принадлежность. Его лицо было настолько перетянато био-пластикой, что напоминало натянутый барабан, а тонкие губы светились неестественным пульсирующим пурпуром. Именно он, владелец дома Эмпирей и закупает умные ткани у AIETHNO, создавая из них свои безумные коллекции.

— О, Люси, детка, ты как всегда с ног шибибательна! — пропел он, подлетая ко мне, обдавая удушливым облаком парфюма. — Как в тебе еще душа держится? Ты почти прозрачная, моя дорогая! Не отвечай, мне наплевать конечно, хи-хи-хи!

Моя маска выдала идеальную, заученную светскую улыбку, *конечно, тебе наплевать*, а мой метаболизм контролируют подавители аппетита. Кутюрье театрално всплеснул руками и звонко захлопал в ладоши, отгоняя меня от себя.

— Так! Девочки! — завизжал он ультразвуком, обращаясь к суевающимся ассистенткам. — Люси открывает и закрывает показ, сделать контрольную примерку масок и костюмов! Быстро!

Меня мгновенно подхватили под руки и потащили в гримерку.

Здесьнее за кулисы больше походит на операционную: холодный бестеневой свет, десятки зеркальных смарт-панелей, агрессивно жужжащие визаж-дроны и кронштейны с умной тканью, которая извивается и переливается сама по себе, словно живая бензиновая лужа.

— Все дорогая, сделай мне шоу! — крикнул мне вслед кутюрье, посылая в воздухе голографический поцелуй, который рассыпался розовыми искрами. — Как вы русские умеете!

Холодные пальцы портных продолжают подгонять по моей фигуре чешую платья. Я неподвижно стою перед зеркальным смарт-стеклом, пока умная ткань подстраивается под мое дыхание, плотно облекая талию. Снаружи, за тонкой матовой перегородкой моей VIP-гримерки, раздается приглушенный шепот, я мысленно отдаю команду нейроинтерфейсу, и сенсор за моим ухом послушно выкручивает чувствительность на максимум, фильтруя фоновый гул вентиляции.

В щель полуоткрытой двери на меня откровенно пялятся три мои коллеги по подиуму, я вижу их в отражении бокового зеркала. Первая — с неестественно вытянутой био-пластикой лебединой шеей и вживленными хромированными скулами. Вторая — с волосами из оптоволокна, которые пульсируют раздраженным кислотно-розовым светом. Третья — высокая мулатка с модифицированными кошачьими зрачками. Спустя мгновение к ним подтягиваются еще две девицы — такие же штампованные куклы с перекачанными силиконом губами и хищными, завистливыми взглядами.

— Эта чешуя на ее коже смотрится так естественно, — злобно шипит оптоволоконная, прожигая взглядом мою спину. — Почему этой шлюшке достаются лучшие показы? Она даже AIETHNO открывает...

— А ты разве не знаешь? Она спит с половиной Русского квартала! Хи-хи! — поддакивает кошка, прикрывая рот с идеальным маникюром.

— Точно, все, что она умеет — это стелиться под Бояр, — брезгливо добавляет хромированная.

Я слушаю всё это, не отрывая взгляда от своего безупречного, фарфорового отражения. Гламурная тусовка Нового Петербурга никогда не меняется, я всегда была и буду главной мишенью для их пропитанных цифровым ядом языков. Это моя плата за статус. И все же... глубоко внутри, слова скребут по живому, у меня нет подруг которым можно поплакаться, нет отца и матери кому я могу позвонить в любой момент, только эта маска стала мне истинным, но одновременно ненавистным другом... Я делаю медленный, глубокий вдох, приказывая себе держать спину прямо.

И вдруг, сквозь нарастающий звон в ушах, я слышу натужный гул сервоприводов.

Тяжелый дрон-доставщик из элитной кофейни Французского сектора, неспешно плывший под потолком коридора, внезапно начинает сбивать. Прямо над стайкой сплетниц раздается громкий треск короткого замыкания, машина резко кренится набок, ее лопасти возмущенно воют, и пластиковое брюхо раскрывается.

Десяток стаканчиков с горячим, густым карамельным кофе и липким сиропом настоящим водопадом обрушиваются прямо на их идеальные головы.

— О! Боже! Мои волосы! — оглушительный визг прорезает суету модного дома.

Начинается восхитительная, первобытная паника! Девушки мечутся по коридору, сталкиваясь друг с другом, розовое оптоволокно жалобно мерцает, залитое сладкой жижей, хромированные скульптуры покрываются коричневыми разводами, запах паленой синтетики и кофе мгновенно заполняет пространство.

К эпицентру катастрофы ураганом подлетает одна из старших работниц модного дома, хватаясь за голову:

— Что здесь происходит?! — орет она, перекрывая визги. — О! Боже! Девочки, быстро в душ! Все придется делать заново! У нас скоро показ!

Расталкивая рыдающих моделей, работница влетает в мою примерку. Она тяжело дышит, нервно обмахиваясь планшетом, на котором мелькают графики выходов. Окинув взглядом меня, уже затянутую в голографическую чешую, она переводит дух и бросает моим ассистенткам:

— Слава богу эти курицы были в халатах! Представьте, если бы они уже нацепили платье... мэтр Эмильен пустил бы нас всех на сумочки!

Суета за кулисами достигает своего апогея — того самого градуса истерики, после которого начинается чистое искусство. До начала показа пятнадцать минут, идут последние прогоны.

Я стою в тени тяжелых кулис и смотрю на сцену, мэтр Эмильен превзошел сам себя, превратив внутренности старинного особняка в оживший бред спятившего аристократа. Зал выглядит как классический оперный театр девятнадцатого века: ярусы лож, обтянутые тяжелым бордовым бархатом, массивная позолоченная лепнина, хрусталь.

Но это лишь декорация для торжества технологий 2050 года.

Проекторы полного погружения работают на пределе мощности. Партер, сцена и нижние ярусы лож визуально затоплены толщиной виртуального океана, иллюзия настолько естественна, что мозг отказывается верить глазам: сквозь несуществующую воду пробиваются лучи света, над головами приглашенной элиты бесшумно проплывают голографические скаты и полупрозрачные медузы. Воздух насыщен распыленной морской солью и озоном. Глухой, ритмичный гул подводных течений заменяет музыку, Эмпирей сегодня — это роскошный затонувший корабль, а все эти богатые, пресыщенные люди в зале — лишь красивые утопленники.

Мой выход открывает показ.

На мне платье, которого, по сути, нет, технологичная насмешка над целомудрием: текучий, словно вода, прозрачный смарт-материал. Эта жидкая пленка облегает каждый изгиб моего тела, создавая эффект абсолютной, беззащитной наготы. Но ткань хитрая — она преломляет свет таким образом, что контуры тела постоянно смазываются бликами, не позволяя взгляду уцепиться ни за одну деталь.

Идеальная метафора моей жизни в Новом Петербурге — я у всех на виду, абсолютно обнажена перед публикой, но никто из них не видит меня настоящую. Они пялятся на прозрачный шелк и мою маску, закрывать это безумие я буду в совершенно ином образе, костюм уже ждет меня в примерке — тяжелый, хищный панцирь, броня, собранная из сотен генномодифицированных перламутровых ракушек. Острые, как бритва, края, переливающиеся бензиновыми разводами, жесткий корсет, который не дает сделать полноценный вдох, когда я надену

его, я перестану быть хрупкой нимфой, я стану морским чудовищем, закованным в перламутр, сиреной с мертвым сердцем.

— Люси! На точку! — шипит в ушной микрофон голос ассистента.

Я делаю первый шаг, и голографическая вода послушно расступается.

Иллюзия совершенна- цифровые волны с мягким, убаюкивающим шумом бьются о невидимые края подиума и рассыпаются прямо у моих ног кипельно-белой, искрящейся пеной. Вокруг меня, сквозь толщу прохладного синего неона, грациозно скользят полупрозрачные рыбы, их чешуя мерцает в такт пульсации софитов.

Я иду медленно, мое «голое» платье из жидкого смарт-шелка струится следом, ловя каждый луч света. Оно преломляет голограммы океана так, что кажется, будто я сама соткана из этой воды, музыка добавляет обстановке полноты картины, я плыву сквозь фальшивое море, привычно сканируя первые ряды VIP-зоны из-под полуопущенных ресниц. Десятки одинаковых, перекроенных био-пластикой лиц или самые дорогие маски, но вдруг мой взгляд спотыкается.

В третьем ряду, среди разодетых в пух и прах жен мафии и лощеных спонсоров Французского сектора, стоит совершенно чужеродный элемент. Молодой парень. На нем самая простая, грубая одежда, лишённая даже намёка на светящиеся смарт-нити или брендовые логотипы, он выглядит так, словно только что спустился с серых эстакад Нижнего города.

Но в его руках — баснословно дорогая, профессиональная камера с чудовищной оптикой, настоящая техника, а не встроенный в глаз имплант. Светлые, растрепанные волосы, глаза — пронзительно голубые, цепкие, живые. И его кожа... У меня перехватывает дыхание, хотя маска продолжает держать идеальную полуулыбку. Его лицо покрыто красноватыми бугристыми рубцами, на нем нет маски... Вообще никакой. Он не прячет уродство, оставленное этим миром, не пытается слиться с глянцево толпой. В его позе сквозит такая наглая, дерзкая уверенность, что мне захотелось остановиться и разглядеть его получше.

Мой мозг лихорадочно просчитывает варианты — система безопасности Эмпирей параноидальна, охрана на входе сканирует сетчатку, уровень счетов в банке и генетический код. Как этот оборванец со шрамами смог миновать фейсконтроль Французского сектора?

Волны цифровой пены разбиваются о мои щиколотки, я замираю на краю подиума, на секунду дольше положенного позволяя ему и остальным сделать снимки разворачиваюсь, медленно покидая подиум.

За кулисами меня подхватывает ураган из механических манипуляторов и суесящихся ассистентов, голое водяное платье исчезает, и на его место сухим скрежетом встает панцирь. В зале тем временем меняется ритм, утробные басы пробираются сквозь пол, заставляя вибрировать старинную лепнину, музыка нагнетает, набухает, как грозовая туча. Океан готовится к буре.

Спустя пятнадцать минут, мой второй выход. Я прохожу мимо всех прочих моделей, делаю глубокий вдох. Едва я делаю шаг из-за кулис, как виртуальный мир Эмпирей сходит с ума.

Подиум взрывается штормом. Меня почти не видно за стеной бушующих голографических волн, ревущих с оглушительной, первобытной силой, пространство вокруг искажается до неузнаваемости: из черной, пенящейся пучины вырастают острые, безжалостные скалы, о которые с жутким деревянным треском разбиваются проекции гигантских старинных кораблей. Мачты рушатся, огромные волны проглатывают их целиком, а виртуальные щепки и брызги летят прямо в лица зрителям. Воздух становится тяжелым, липким, он пахнет солью, озоном и надвигающейся смертью. Искры ветвистых молний рвут густые, пепельно-черные тучи на куски, заливая подиум, пульсирующим светом.

Я дохожу до края подиума, неотвратимо разрезая этот цифровой хаос, зал тонет в оглушительных раскатах грома.

Самая яркая вспышка молнии бьет сверху, фокусируясь прямо на мне. И в этот миг над моей головой вспыхивает острыми, холодными гранями голографическая корона, а в ладони материализуется тяжелый, сияющий нестерпимым светом трезубец.

Я поднимаю его, властно взмахивая над толпой, вода подчиняется алгоритмам. Из ревущей бездны гравитационными потоками взмывают вверх гигантские, мерцающие изнутри жемчужины, россыпи старинных кладов, разорванные паруса и остовы мертвых флотилий. Они кружат в воздухе вокруг меня в зловещем, завораживающем танце.

Элита в первых рядах откровенно паникует, ерзая в своих бархатных креслах, иллюзия стала слишком осязаемой. Я вижу, как холеные жены и модные критики инстинктивно поджимают ноги, кажется, будто весь этот помпезный зал со всеми его обитателями прямо сейчас проваливается в тартарары.

Я замираю на несколько секунд, с холодным пренебрежением позволяя им насладиться собственным животным страхом, а затем делаю три резких удара древком трезубца о подиум.

Раз. Два. Три.

Буря мгновенно обрывается. Гром давится собственным эхом.

И в этой звенящей, напряженной тишине мой панцирь начинает плавиться. Умная ткань перестраивается на глазах у людей: ракушки превращаются в густой, жидкий перламутр, который тяжелым водопадом стекает к моим ногам, впитываясь в подиум. На его месте вокруг моего тела распускается невесомое, пульсирующее мягким светом платье из морской пены, океан вокруг становится безмятежным и гладким, как зеркало.

Все стихает. Я обвожу взглядом потрясенные, бледные, замороженные лица зрителей.

Как это символично... Я тону.

Я плавно разворачиваюсь, уводя за собой шлейф тающей перламутровой пены, и делаю шаг в темноту кулис, в этот момент зал взрывается овациями.

Если ад существует, то он выглядит как закрытая вечеринка во Французском секторе.

Мэтр Эмильен безапелляционно заявил, что я обязана присутствовать на торжественном приеме в том самом голом платье, искусство требует жертв, даже в 2050 году, а мои контракты с Боярами требуют, чтобы эта жертва еще и ослепительно улыбалась.

Зал приемов Эмпирей превратился в гротескную пародию на пир Посейдона. Воздух все еще был заполнен медленно дрейфующими голограммами скатов и полупрозрачных медуз, но теперь к ним добавился густой запах дорогих парфюмов и еды. На фуршетных линиях, заставленных посудой в форме гигантских перламутровых раковин, громоздились горы генномодифицированных морских деликатесов. Гости поглощали щупальца немислимых размеров, светящуюся био-люминесцентную икру и устриц с мясом нежно-лилового цвета.

И всё это непрерывно транслировалось в Сеть. Элита жаждала показать всему городу, что они здесь, на вершине пищевой цепи. Люди стримили вечеринку через смартфоны последних моделей и напрямую через оптические импланты — то там, то здесь зрочки гостей вспыхивали пульсирующими красными ободками записи. Я скользила, раздавая заученные приветствия, и чувствовала кожей, как тысячи невидимых зрителей по всему Новому Петербургу разглядывают мое тело сквозь ткань платья.

Спустя час этой пытки я поняла, что еще минута — и я сорвусь. Смарт-шелк не просто не грел, он намеренно охлаждал кожу, поддерживая эффект «выхода из воды». Я промерзла до самых костей. Воспользовавшись заминкой у ледяного фонтана с шампанским, я незаметно выскользнула из главного зала и забила в глубокую нишу на одном из полутемных балконов.

Тишина. Только приглушенный басами гул вечеринки за стеной, я прикрыла глаза, мечтая лишь об одном: сорвать с себя эту мокрую цифровую дрянь, забраться в горячую ванну и укутаться во что-нибудь тяжелое и по-настоящему теплое.

Вдруг неоновый свет, падающий из зала, перекрыла гигантская тень.

Я резко открыла глаза, инстинктивно вжимаясь в стену. Передо мной возвышался Демьян, один из цепных псов Зарецкого, приставленный ко мне в качестве постоянной охраны. На его лице мерцала омерзительная голографическая маска скалящегося клоуна. Я приготовилась к колкости, к очередной угрозе или приказу от Медведя, но Демьян молчал. Он сделал шаг вперед, и его огромные, затянутые в черную кожу руки неожиданно бережно опустились мне на плечи.

Он накинул на меня белоснежное пальто из последней коллекции AIETHNO. Плотная, умная ткань мгновенно подстроилась под температуру тела, окутав меня волной блаженного, спасительного тепла. Следом Демьян молча протянул мне изящный бокал, в котором искрилось золотистое шампанское.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.